

Алексей
ТОЛСТОЙ

Князь Серебряный

Князь Серебряный // Эксмо, М., 2007

ISBN: 978-5-699-13907-1

FB2: "shum29", 20.11.2008, version 1.0

UUID: 45c9ba74-08f4-102c-8d0d-93418d0056af

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Алексей Константинович Толстой

**Средь шумного бала.
(Письма. Стихи)**

**Алексей Константинович
Толстой**

**Средь шумного бала.
(Письма. Стихи)**

1⁸⁵¹

...У меня столько противоречивых особенностей, которые приходят в столкновение, столько желаний, столько потребностей сердца, которые я силюсь примирить, но стоит только слегка прикоснуться, как все это приходит в движение, вступает в борьбу; от тебя я жду гармонии и примирения всех этих потребностей. Чувствую, что никто, кроме тебя, не может меня исцелить, ибо все мое существо растерзано. Я, как мог, зашивал и подправлял все это, но много еще надо переделывать, менять, заживлять. Я живу не в своей среде, не следую своему призванию, не делаю то, что хочу, во мне – полный разлад, и в этом, может быть, секрет моей лени, потому что я, в сущности, деятелен по природе... Те элементы, из которых составилось мое существо, сами хороши, но взяты они были наудачу и пропорции – не соблюдены. Ни в моей душе, ни в моем уме нет балласта. Ты должна вернуть мне равновесие... В твоём дневнике я нашёл такие строки: «Для достижения истины надо раз в жизни освободиться от всех усвоенных

взглядов и заново построить всю систему своих знаний». С какою бы радостью я при твоей помощи потрудился над этой перестройкой. Я – словно какой-нибудь сарай или обширная комната, полная всяких вещей, весьма полезных, порой – весьма драгоценных, но наваленных кое-как одна на другую; с тобой я и хотел бы разобраться и навести порядок.

Из письма А. К. Толстого С. А. Миллер [1]

* * *

1851

...Я стараюсь интересоваться оперой и другими вещами, но стоит мне на мгновение забыть, как я тотчас же погружаюсь в небытие. Клянусь тебе, как я поклялся бы перед судилищем Господним, что люблю тебя всеми способностями, всеми мыслями, всеми движениями, всеми страданиями и радостями моей души. Прими эту любовь, какая она есть, не ищи ей причины, не ищи ей названия, как врач ищет названия для болезни, не определяй ей места, не анализируй ее. Бери ее, какая она есть, бери не вникая, я не могу дать тебе ничего лучшего, я дал тебе все, что у меня было самого драгоценного, ничего луч-

шего у меня нет... Ты мне говоришь, что я не смогу любить тебя так всегда. Я это знаю и сам; это не новость, это в порядке вещей, что такое восторженное возбуждение проходит: так оно есть и так должно быть. Цветок исчезает, но остается плод, остается растение; поверь мне, то, что останется, будет еще достаточно прекрасно... Мы знаем, что любовь не есть вечное чувство. Но должно ли нас это пугать? Пойдем же смело навстречу, не заглядывая вперед и не оглядываясь назад, или лучше будем смотреть вперед, встретим лицом к лицу кроткую братскую дружбу, протягивающую к нам руки, и благословим Бога за то что он посылает ее нам... Я в гораздо большей мере – ты, чем – я сам.

...Есть такие муки и такие желания, которые нельзя выразить словами; всякое слово кажется мне мертвым, все, что я мог бы сказать, кажется мне слишком слабым. Друг мой, на душе у меня тяжело, я приехал с бала-маскарада, где был не по своей охоте, а только из приличия – ради великого князя, которого видел нынче утром. Отправился я к половине двенадцатого. Чтобы вернуться, как только

повидаю великого князя. А он только что пригласил меня отужинать у него в половине второго; я второпях заехал домой, чтобы побеседовать с тобою в этом промежутке.

Как мне было там грустно! Не ездил никогда на эти противные балы-маскарады!

Мне так бы хотелось освежить твое бедное сердце, так бы хотелось дать отдохнуть тебе от всей твоей жизни! Бедное дитя, с тех пор, как ты брошена в жизнь, ты знала только бури и грозы [2]. Даже и в самые лучшие минуты, те, когда мы находились вместе, тебя волновали какая-нибудь неотвязная забота, какое-нибудь предчувствие, какое-нибудь опасение.

Когда я об этом думаю, мне видится домик, полускрытый деревьями. Видится деревня, слышатся звуки твоего рояля и этот голос, от которого я сразу же встрепенулся. И все, что противостоит этой жизни, спокойной и благой, *вся сутолока света, честолюбие, тщеславие* и т. д., все искусственные средства, нужные для того, чтобы поддерживать в ущерб совести это неестественное существование, все это возникает передо мной вдале-

ке, как бы в недобром тумане. И я словно слышу твой голос, проникающий мне прямо в душу: «Я навсегда отказываюсь от этого ради любви к тебе». И тогда мной овладевает чувство безраздельного счастья, и слова, сказанные тобой, звучат и отдаются в моей душе, как уверение, что отныне ничто не может причинить тебе зла, и я понимаю тогда, что все это счастье, созданное мечтой, этот домик, эта благостная и спокойная жизнь, все это – в нас самих. *Это твое сердце поет от счастья, а мое его слушает*, а так как все это – в нас самих, то его у нас и нельзя отнять, и даже среди мирской суеты мы можем быть одни и быть счастливыми. Характер у меня – с надрывом, он чувствителен к малейшему прикосновению, но мелочности в нем нет – даю тебе слово...

Из письма А. К. Толстого С. А. Миллер

* * *

6 января 1853 г.

...Подумай, что до 36 лет мне было некому поверять мои огорчения. Некому излить мою душу. Все то, что печалило меня, – а бывало это часто, хотя и незаметно для посторонних

взглядов, – все то, чему я хотел бы найти отклик в уме, в сердце друга, я подавлял в самом себе, а пока мой дядя [3] был жив, то доверие, которое я питал к нему, сковывалось опасением его огорчить, порой – раздражить и уверенностью, что он будет со всем пылом восставать против некоторых идей и некоторых устремлений, составлявших существо моей умственной и душевной жизни. Помню, как я скрывал от него чтение некоторых книг, из которых черпал тогда свои *пуританские* принципы, ибо в том же источнике заключены были и те принципы свободолюбия и протестантского духа, с которыми бы он никогда не примирился и от которых я не хотел и не мог отказаться. От этого происходила постоянная неловкость, несмотря на то огромное доверие, которое у меня было к нему.

Из письма А. К. Толстого С. А. Миллер

* * *

...Еще он (И. С. Тургенев) рассказывал, как на маскараде, вместе с поэтом А. К. Толстым, он встретил грациозную и интересную маску, которая с ними умно разговаривала. Они настаивали на том, чтобы она тогда же сняла

маску, но она открылась им лишь через несколько дней, пригласив их к себе.

– Что же я тогда увидел? – говорил Тургенев. – Лицо чухонского солдата в юбке.

Эта маска потом вышла замуж за А. К. Толстого. Его стихотворение «Средь шумного бала» навеяно этим первым знакомством с его будущей женой. Думаю, что Тургенев преувеличил ее некрасивость. Я встречал впоследствии графиню Софью Андреевну, вдову А. К. Толстого, она вовсе не была безобразна и, кроме того, она была, несомненно, умной женщиной.

С. Л. Толстой [4]

* * *

...Толстой и Софа (именем «Софа» называли супругу А. К. Толстого Софью Андреевну) были для меня недостижимым идеалом доброты, от них исходило все для меня, они мне давали ответы на все мои сомнения и стремления; я сознавала, что не только люблю, но и боюсь их, и вместе с тем я вложила в них все мое доверие, все мое сердце, все мои идеалы, помимо них ничего не могло существовать для меня. Иногда характер Толстого, нервный

и вспыльчивый, пугал меня, но уверенность в его дружбе и любви ко мне была непоколебима. Софу я всегда жалела, она всегда несла ношу слишком тяжелую... Но стоило Софе словом отмахнуть от него наплыв ежедневных дразг и осветить своим всепонимающим умом его растревоженную душу, и он возвращался с молодыми, чистыми силами. Страдание, зло, боли, печали не имели власти над бодростью и чистотой его духа...

С. П. Хитрово [5]

* * *

...По всем рассказам видно, что с ранних лет Софа была не по годам умна и развита и всегда выделялась от других умом и обаятельностью. – Когда ей было пять лет, бабушка возила всех своих детей в Саровскую пустынь на благословение к отцу Серафиму, и когда он их всех перекрестил и благословил, то перед младенцем Софией он опустился на колени и поцеловал ей ножки, предсказывая ей удивительную будущность. – Мы, дети, видели и понимали, что все в доме обожают Софу и что она всегда, везде и для всех первый человек, и мы слепо верили, что лучше ее на свете нет,

и так, всю жизнь, она стояла для нас лучезарнее и выше всех. Наша любовь к ней была совсем особенная, и что бы она ни сказала, все было хорошо и непоколебимо. – Мой отец, как и другие, относился к ней с некоторым благоговением, почти что восторженно, а во имя своих чувств к ней назвал меня и сестру Софьями и говорил, что если у него будет двенадцать дочерей, все будут Софьями.

С. П. Хитрово

* * *

...Граф Толстой был одарен исключительной памятью. Мы часто для шутки испытывали друг у друга память, причем Алексей Толстой нас поражал тем, что по беглом прочтении целой большой страницы любой прозы, закрыв книгу, мог дословно все им прочитанное передать без одной ошибки; никто из нас, разумеется, не мог этого сделать.

Глаза у графа лазурного цвета, юношески свежее лицо, продолговатый овал лица, легкий пушок бороды и усов, вьющиеся на висках белокурые волосы – благородство и артистизм.

По ширине плеч и по мускулатуре нельзя

было не заметить, что модель не принадлежала к числу изнеженных и слабых молодых людей. Действительно, Алексей Толстой был необыкновенной силы: он гнул подковы, и у меня между прочим долго сохранялась серебряная вилка, из которой не только ручку, но и отдельно каждый зуб он скрутил винтом своими пальцами.

А. В. Мещерский [6]

* * *

*Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твоя покрывала черты.*

*Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.*

*Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.*

*В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;*

*И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя – я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!*

1851

* * *

...Граф Толстой был в то время (1843 г.) красивый молодой человек, с прекрасными белокурыми волосами и румянцем во всю щеку. Он еще более, чем князь Барятинский, походил на красную девицу; до такой степени нежность и деликатность проникали всю его фигуру. Можно представить мое изумление, когда князь однажды сказал мне: «Вы знаете – это величайший силач!» При этом известии я не мог не улыбнуться самым недоверчивым, чтобы не сказать презрительным образом; сам, принадлежа к породе сильных людей, выдавший на своем веку много действительных силачей, я тотчас подумал, что граф Толстой, этот румяный и нежный юноша, – силач

аристократический и дивит свой кружок какими-нибудь гимнастическими штуками. Заметив мое недоверие, князь стал рассказывать многие действительные опыты силы Толстого: как он свертывал в трубку серебряные ложки, вгонял пальцем в стену гвозди, разгибал подковы. Я не знал, что и думать. Впоследствии отзывы многих других лиц положительно подтвердили, что эта нежная оболочка скрывает действительного Геркулеса. В то же время князь говорил мне, что Толстой домашний человек у наследника и входит к нему без доклада.

В. А. Инсарский [7]

* * *

...Любопытен рассказ его (Д. В. Григоровича) о графине Толстой, жене графа Алексея Константиновича Толстого (поэта). Она — урожденная Бахметьева. С Григоровичем со-седи. Прожились. Мать ее старалась не только сбуть ее, но продать. Не выходило. Познакомилась с князем Вяземским, он сделал ей ребенка. Брат ее вызвал князя на дуэль. Но дуэль благодаря Вяземскому не состоялась: он устроил при помощи связей так, что Бахме-

тьева сослали на Кавказ. Возвратившись оттуда, он написал князю Вяземскому письмо: если он не приедет с ним драться, то он публично оскорбит его. Князь Вяземский приехал и убил его на дуэли, за что сидел в крепости. Сестра его вышла замуж за Миллера, который был влюблен в нее страстно, но она его терпеть не могла и скоро бросила. Она путешествовала с Григоровичем и сошлась с ним. Когда Григорович возвратился к Бахметьевым, то застал г-жу Миллер лежащею, слабою. У ног ее сидел граф Алексей Константинович Толстой, страстно в нее влюбленный. Он приехал с Ал. Ал. Татищевым. «Я не хотел мешать, – говорит Дмитрий Васильевич, – и мы расстались».

А. Суворин. «Дневник» [8]

* * *

*С ружьем за плечами, один, при
луне,
Я по полю еду на добром коне.
Я бросил поводья, я мыслю о ней,
Ступай же, мой конь, по траве ве-
селей!*

Я мыслю так тихо, так сладко,
но вот
Неведомый спутник ко мне при-
стает,
Одет он, как я, на таком же коне,
Ружье за плечами блестит при
луне.

«Ты, спутник, скажи мне, скажи
мне, кто ты?
Твои мне как будто знакомы чер-
ты.
Скажи, что тебя в этот час при-
вело?
Чему ты смеешься так горько и
зло?»

«Смеюсь я, товарищ, мечтаньям
твоим,
Смеюсь, что ты будущность гу-
бишь;
Ты мыслишь, что вправду ты ею
любишь?
Что вправду ты сам ее любишь?»

Смешно мне, смешно, что так
пылко любя,
Ее ты не любишь, а любишь себя.

Опомнись, порывы твои уж не те!
Она для тебя уж не тайна,

Случайно сошлись вы в мирской
суете,
Вы с ней разойдетесь случайно.
Смеюся я горько, смеюся я зло
Тому, что вздыхаешь ты так тя-
жело».

Все тихо, объято молчаньем и
сном,
Исчез мой товарищ в тумане ноч-
ном,
В тяжелом раздумье, один, при
луне,
Я по полю еду на добром коне...

1851

* * *

Слушая повесть твою, полюбил я
тебя, моя радость!
Жизнью твоею я жил и слезами
твоими я плакал;
Мысленно вместе с тобой про-
страдал я минувшие годы,
Все перечувствовал вместе с то-
бой, и печаль и надежды,

Многое больно мне было, во мно-
гом тебя упрекнул я;
Но позабыть не хочу ни ошибок
твоих, ни страданий;
Дороги мне твои слезы и дорого
каждое слово!
Бедное вижу в тебе я дитя, без
отца, без опоры;
Рано познала ты горе, обман и
людское злословье,
Рано под тяжестью бед твои пре-
ломилась силы!
Бедное ты деревцо, поникшее долу
головкой!
Ты прислонися ко мне, деревцо, к
зеленому вязу:
Ты прислонися ко мне, я стою на-
дежно и прочно!

21 октября 1851

* * *

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умом-разумом не раскидывай:
Как люблю тебя, почему люблю,
И за что люблю, и надолго ли?

Ты не спрашивай, не распытывай:
Что сестра ль ты мне, молода ль

жена
Или детище ты мне малое?
И не знаю я и не ведаю,

Как назвать тебя, как приклика-
ти.
Много цветиков во чистом поле,
Много звезд горит по поднебесью,
А назвать-то их нет умения,

Распознать-то их нету силушки.
Полюбив тебя, я не спрашивал,
Не разгадывал, не распытывал;
Очертил свою буйну голову!

30 октября 1851

* * *

Мне в душу, полную ничтожной
суеты,
Как бурный вихорь, страсть во-
рвалась нежданно,
С налета смяла в ней нарядные
цветы
И разметала сад, тщеславием
убранный.

Условий мелкий сор крутящимся
столбом

Из мысли унесла живительная сила
И током теплых слез, как благостным дождем,
Опустошенную мне душу оросила.

И над обломками безмолвен я стою,
И, трепетом еще неведомым объятый,
Воскреснувшего дня пью свежую струю
И грома дальнего внимаю перека-
ты...

1851 или 1852

* * *

Не ветер, веза с высоты,
Листов коснулся ночью лунной;
Моей души коснулась ты —
Она тревожна, как листья,
Она, как гусли, многострунна.
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом.
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновение,

*Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновенье...*

1851 или 1852

** * **

*Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!*

*Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!*

1854

Примечания

Письма А. К. Толстого Софье Андреевне Миллер переведены с французского языка.

[^^^]

2

Речь идет о тяжелых переживаниях Софьи Андреевны до ее встречи с Толстым: романе с кн. Вяземским, из-за которого ее брат был убит на дуэли с князем, затем неудачном браке с конногвардейским полковником Л. Ф. Миллером.

[^^^]

А. А. Перовский (1787 – 1836), брат матери А. К. Толстого, прозаик (псевдоним – Антоний Погорельский). Автор сказки «Черная курица», посвященной мальчику Алеше Толстому.

[^^^]

С. Л. Толстой – сын Л. Н. Толстого.

[^^^]

С. П. Хитрово – племянница С. А. Толстой.

[^^^]

6

А. В. Мещерский (1822 – 1900) – мемуарист, поэт, общественный деятель. Друг А. К. Толстого.

[^^^]

В. А. Инсарский (1814 – 1882) – мемуарист.

[^^^]

А. С. Суворин (1834 – 1912) – издатель, мемуарист.

[^^^]